

Пинаева Дарья Алексеевна

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В КОНЦЕ 1940-Х - НАЧАЛЕ 1960-Х ГГ.: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ТАТАРСКОЙ АССР)

В статье рассматривается проблема влияния партийного руководства на деятельность научной и творческой интеллигенции Татарской АССР во второй половине 1940-х - начале 1960-х гг. На основе изучения опубликованных данных и архивных материалов автор приходит к выводу, что во второй половине 1950-х - начале 1960-х гг. не произошло существенной демократизации сферы национальной культуры. Напротив, партийность и идеологизированность стали основными критериями "качественного" художественного или научного произведения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/1/42.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 1(75) С. 162-167. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

правовых предписаний по отношению к гражданину, который на основании сформированных правовых знаний, имеющихся правовых установок и правомерных действий способен добиться качественного решения стоящей перед ним проблемы, демонстрируя правовую воспитанность как важный фактор правовой культуры общества и личности. Развитая правовая культура будет характеризовать профессионализм каждого участника правоотношений, что обеспечит правильное понимание социального функционирования самой правовой системы и позволит нашему обществу избежать ошибок противоречивого пути развития отечественной культуры.

Список литературы

1. **Агапов И. О.** К вопросу о понятии, уровне и причинах коррупции в России // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 3. С. 29-34.
2. **Демчук А., Саскайнд Л., Шамликашвили Ц.** Менеджмент трудных решений в XXI веке: секреты построения консенсуса, или Как сделать так, чтобы довольны были все. М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2009. 208 с.
3. **Пенионжек Е. В.** Особенности формирования профессиональной морали сотрудников органов внутренних дел в современных условиях. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2015. 102 с.
4. **Пенионжек Е. В.** Противоречия правовой культуры общества и личности: к вопросу о доверии граждан власти // Человек. Религия. Право. Проблемы противодействия ксенофобии: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2013. С. 106-111.
5. **Черевко И. М., Никонович С. Л., Шаевич А. А.** Психологические основы коммуникативной стороны профессиональной деятельности следователя // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 7 (69): в 2-х ч. Ч. 1. С. 198-201.

LEGAL EDUCATION OF CITIZENS AS A RESULT OF MEDIATION PROCESSES IMPLEMENTATION

Penionzhek Evgeniya Vladimirovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in Ekaterinburg
penionzhec@yandex.ru

The article discusses relevance of mediation processes in the conditions of contradictory culture of contemporary Russia. The paper analyzes the phenomenon of mediation as a way to solve the problem of social conflict. The work reveals such aspects of legal education of citizens as a personality's learning and maturity. Possession of knowledge, skills, abilities and experience of activity in the field of mediation is important from the viewpoint of the formation of a personality's culture, which ensures proper understanding of the state law-enforcement policy.

Key words and phrases: law; culture contradictions; social role; legal education; mediation; principles of mediation.

УДК 94(470)19

Исторические науки и археология

В статье рассматривается проблема влияния партийного руководства на деятельность научной и творческой интеллигенции Татарской АССР во второй половине 1940-х – начале 1960-х гг. На основе изучения опубликованных данных и архивных материалов автор приходит к выводу, что во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. не произошло существенной демократизации сферы национальной культуры. Напротив, партийность и идеологизированность стали основными критериями «качественного» художественного или научного произведения.

Ключевые слова и фразы: национальная история; национальная культура; научная и творческая интеллигенция; партийное руководство; идеология; ТАССР.

Пинаева Дарья Алексеевна, к.и.н.

Казанский национальный исследовательский технический университет имени А. Н. Туполева
dashkevnal@mail.ru

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
В КОНЦЕ 1940-Х – НАЧАЛЕ 1960-Х ГГ.: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ
И ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ТАТАРСКОЙ АССР)**

*Публикация осуществлена при финансовой поддержке РГНФ
и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № 15-11-16004.*

Роль гуманитарного знания в развитии человека, в усвоении им социальных ценностей, мировоззренческих установок является определяющей. Более того, формирование идентичности осуществляется на основе

знаний о стране, ее культуре и истории. Развитие национального самосознания осуществляется на основе оценки явлений прошлого, что неразрывно связано с деятельностью ученых, писателей, композиторов и других представителей научной и творческой интеллигенции. Поэтому в советское время и само гуманитарное знание, и национальная интеллигенция находились под жестким идеологическим контролем. Партия с помощью лояльно настроенных представителей умственного труда, духовной элиты претворяла в жизнь масштабный проект создания новой общности советских людей, в которой национальность не будет играть сколь-нибудь важного значения [17, с. 28], а каждый гражданин (труженик) будет осознавать себя частью единой семьи народов, сплоченных целями строительства коммунизма [25, с. 256].

Столь амбициозную задачу невозможно было решить, не используя ресурсы гуманитарной сферы. Трансформация национальной памяти, создание нового бытия прошлого, новых мифов стало практикой в советское время. Естественно, что деятельность всех политико-просветительских, научных и культурных организаций, в том числе общественных, направлялась и контролировалась ЦК ВКП(б) (с 1952 г. – КПСС), в Татарской АССР – Татарским обкомом партии.

Вместе с тем не совсем правильным будет образ советского послевоенного общества как исключительно монолитного, где в принципе не могло существовать никакого инакомыслия, особенно в публичной сфере. Заметим, что драйверами обоих процессов: и создания образа единого многонационального государства, основанного на принципах советского патриотизма и пролетарского интернационализма, и выхода за рамки официальной пропаганды и воссоздания картин национальной истории, далеко не всегда совместимых с господствующей идеологией, – была научная и творческая интеллигенция. При этом необходимо отметить, что неверным будет утверждение, что деятели науки и искусства, чьи произведения не совпадали с официальной трактовкой истории и культуры татарского народа, были своего рода «диссидентами», борцами с советской властью и идеологией. Большинство из них были далеки от публичной политики и всего лишь творчески осмысливали наследие прошлого, которое не всегда укладывалось в прокрустово ложе официальной пропаганды.

Во время Великой Отечественной войны партия в целях мобилизации населения в трудное время делала некоторые послабления в идеологическом контроле над сферой культуры. Примеры национальных героев древности, национальный эпос должны были способствовать эмоциональному подъему населения, формированию желания освободить Родину от иноземных захватчиков.

После окончания войны научная и творческая интеллигенция жила надеждами на дальнейшие демократические перемены. Однако этим надеждам не суждено было сбыться. Уже в августе 1944 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» [9, с. 513-520], в котором жестко критиковались партийные органы Татарстана за недостаточную идеологическую работу в среде научной и творческой интеллигенции: «Татарский обком... неудовлетворительно руководил работой писателей и деятелей искусств, недостаточно контролировал репертуар учреждений искусства, не организовал работы по идейно-политическому воспитанию интеллигенции, в результате чего в республике имели место серьезные ошибки идеологического характера в освещении истории татарского народа, а также в татарской литературе и искусстве» [Там же, с. 515]. В этом же постановлении прямо указывались и цели агитационно-пропагандистской работы, которая должна была стать важнейшим средством «мобилизации трудящихся на выполнение хозяйственно-политических задач, стоящих перед Татарской АССР» [Там же].

При этом Татарскому обкому ВКП(б) было предложено организовать научную разработку истории Татарстана, устранить допущенные отдельными историками и литераторами серьезные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории татарского народа. Ошибками признавалось «приукрашивание» Золотой Орды, популяризация «ханско-феодального» эпоса об Идеее. Предписывалось больше внимания уделять совместной борьбе русского, татарского и других народов СССР против чужеземных захватчиков, против помещичье-капиталистического гнета, а также истории социалистического преобразования Татарстана и популяризации выдающихся деятелей, ученых и революционеров татарского народа. Это же постановление обязывало Татарский обком ВКП(б) тщательно проверить работу Татарского института языка, литературы и истории, для чего в ТАССР осенью 1944 г. была направлена партгруппа Управления пропаганды и агитации в составе трех пропагандистских работников, одного работника печати, двух работников по истории народов СССР и одного литературоведа.

После выхода в свет указанного Постановления и обсуждения его на собрании Татарского обкома ВКП(б) критике были подвергнуты некоторые театральные постановки, пересмотрены программы вузов и средних школ. Фактически запрет был наложен на упоминания эпоса об Идеее и Золотой Орде [7, с. 97].

Последствия Постановления тяжело сказались на деятельности Татарского института языка, литературы и истории. Критике за допущение серьезных ошибок в освещении истории Золотой Орды подверглись работы Б. Яфарова «История литературы» и Х. Х. Хисматуллина и Я. Х. Агишева «Перспектив периодизации истории литературы» [4, с. 328]. Резкой критике подвергся Н. Исамбет – автор статьи об эпосе об Идеее и его историческом прототипе. Н. Исамбета обвинили в искажении исторического пути татарского народа, возрождении идей пантюркизма и национализма [18, д. 1154, л. 30-31], хотя до августовского Постановления 1944 г. этот эпос рассматривался как одно из достижений татарской культуры.

В целом указанные факты символизировали отход от объективного, научного изучения истории и литературы татарского народа. В духе партийных указаний было намечено пересмотреть «Историю Татарской АССР»,

которая должна была стать образцом для написания всех исторических трудов по истории Татарстана. Были определены довольно четкие рамки того, что и как необходимо было освещать в исторических трудах. Запрещалось изучение Улуса Джучи, его достижений в положительном смысле, зато поощрялось изучение участия татар в народных восстаниях против царизма. Примечательно при этом, что национально-освободительным выступлениям татар и других народов Поволжья должна была даваться отрицательная оценка. Лейтмотивом любого исторического и литературного произведения должна была стать идея о том, что преодолеть отсталость татар в прошлом помогло вхождение Казанского ханства в состав Русского государства, а наиболее значительные успехи татарским народом были сделаны в советский период.

Таким образом, фактически вся средневековая история татарского народа должна была освещаться в отрицательном контексте. Все прогрессивное в истории татар необходимо было связывать с ролью русского народа и Российского государства. В свете указанных идеологических установок «завоевание» Казанского ханства стало «присоединением» Русским государством, причем подчеркивалось прогрессивное значение этого присоединения для татарского народа [4, с. 329].

Естественно, что после подобных обсуждений и осуждений в научных журналах появились статьи, в которых порицалась излишняя увлеченность татарских ученых историей и культурой досоветского периода [1, с. 17-18; 16, с. 55-57]. Таким образом, в научных кругах начала формироваться «новая» история Татарстана, идеологически выверенная и способствующая, с точки зрения партийной номенклатуры, укреплению единства народов СССР.

В вопросе этногенеза татар после запрета на историю Улуса Джучи стала преобладать болгарская теория. Современные татары были признаны фактически потомками волжских болгар, завоеванных монголами еще в 1236 г., а влияние монгольского и золотоордынского компонентов в этногенезе татар было признано незначительным.

Закреплением этого положения стала совместная научная сессия Отделения истории и философии АН СССР и Казанского филиала АН СССР о происхождении казанских татар, состоявшаяся в Москве в апреле 1946 г. На сессии были заслушаны доклады историков, археологов, специалистов в области тюркологии и антропологии, которые единогласно предложили впредь считать современных татар потомками волжских болгар, а Улус Джучи рассматривать в качестве чисто внешнего явления для этнической истории татарского народа [2, с. 26]. Окончательно такая трактовка истории татарского народа была закреплена в «Истории Татарской АССР», первый том которой был издан в 1955 г. [8].

Однако партийные работники не ограничились критикой сугубо научных изысканий. Понимая, что на основе знаний формируются убеждения, в 1948 г. была проведена проверка школьных учебников истории и литературы. В результате особо жесткой критике подвергся учебник-хрестоматия татарской литературы для 8 класса средней школы, в который, по партийным оценкам, вошли «заведомо ошибочные и вредные произведения» [15]. Составитель учебника Л. Заляй и редактор Г. Кашшаф были раскритикованы на бюро обкома ВКП(б). Впоследствии один из авторов переработанного издания учебника, вышедшего в свет в 1951 г. и повторно подвергнувшегося негативной оценке, литературовед Б. Яфаров был исключен из рядов ВКП(б), а директор Института языка, истории и литературы Казанского отделения АН СССР М. Гайнуллин получил выговор.

Учебник попал в опалу из-за оценки цензоров, которые отметили, что некоторые произведения учебника идеализировали жизнь мулл, баев и купцов. В учебнике не была показана отрицательная роль ислама и суфизма в истории культуры татарского народа, была дана неверная оценка течению джадидизма, ставшего впоследствии контрреволюционным движением [21, д. 155а, л. 29-34]. Указывалось, что историки и литературоведы Татарстана, в особенности работники Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР, не сделали должных выводов из постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. и формально отнеслись к его выполнению, не учли серьезных предупреждений ЦК ВКП(б). Показательно, что в вину ученым вменялось то, что они «...не перестроили свою работу в свете указаний товарища Сталина, данных им в работе “Марксизм и вопросы языкознания”» [22, д. 108, л. 116].

Довольно быстро стало понятно, что объективное и независимое исследование реальных процессов и явлений татарской истории и культуры может привести ученых к весьма печальным последствиям. Поэтому многие ученые, опасаясь репрессий, старались не затрагивать темы, связанные со средневековой историей татарского народа, а если и затрагивали, то освещали исключительно так, как того требовали директивы партии и ее руководителей, становясь невольно фальсификаторами истории. Партийность в литературе и истории возобладала над исторической объективностью. Тенденциозность и декларативность стали неизменными атрибутами исторических исследований и произведений татарской литературы.

Система распространения знаний среди широких слоев населения также была поставлена под жесткий контроль. В свете вышеописанных событий начались проверки качества лекционной пропаганды исторических знаний и татарской литературы. Распространением знаний среди широких слоев населения во второй половине XX века занималось созданное в 1947 г. Казанское (с 1949 г. – Татарское) отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний [12, д. 1, л. 4], а также сеть лекционных бюро при Министерстве просвещения ТАССР. В Положении об образовании Казанского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний указывалось, что оно должно было организовывать публичные и цикловые лекции, научные доклады, тематические вечера, участвовать в широкой демонстрации научных и научно-популярных фильмов, в проведении научных опытов, организации радиопередач занимательных лекций, заниматься изданием лекций [Там же, д. 8, л. 3]. Несмотря на то, что Общество

формально было общественной организацией, руководство его деятельностью осуществлялось ЦК ВКП(б), куда ежегодно отправлялись отчеты о его деятельности [14]. При этом во всех отчетах указывалось, что Общество в своей деятельности руководствуется указаниями ЦК ВКП(б) и Татарского обкома ВКП(б) [12, д. 28, л. 19].

Первая серьезная проверка идеологической состоятельности деятельности Общества была проведена в начале 1949 г. Выводы проверки были неутешительные. Во-первых, оказалось, что большинство профессоров и кандидатов наук г. Казани, состоящих членами Общества, не участвуют в лекционной и издательской деятельности. Это притом что действительными членами Казанского областного отделения были крупнейшие ученые республики: академик А. Е. Арбузов, член-корр. АН СССР Б. А. Арбузов, проф. Л. М. Миропольский, проф. Н. А. Ливанов и др. [Там же, д. 1, л. 38]. В 1949 г. из общего числа лекторов, выступавших непосредственно по поручению Правления Татарского отделения с публичными и закрытыми лекциями, члены Общества, имеющие ученые степени и звания, составили лишь 49% [13, д. 16, л. 76]. Во-вторых, выяснилось, что значительная часть ученых, выступающих с лекциями по истории, философии и международной жизни, попросту занимались переписыванием и цитированием классиков марксизма-ленинизма и трудов ученых, которые уже прошли рецензирование и были опубликованы [Там же, л. 80-82]. В 1947-1949 гг. на рецензирование не было сдано ни одной лекции по средневековой истории Татарстана. Лекции же по истории социалистической Татарии пестрили всевозможными цифрами, показывающими выдающиеся успехи татарского народа в советский период [19, д. 5032, л. 28-35]. Что касается издательской деятельности, то в 1949 г. была издана лишь одна стенограмма публичной лекции действительного члена Общества Хасан Хайри на тему «А. С. Пушкин» на татарском языке [12, д. 28, л. 16].

После смерти И. В. Сталина и развенчания культа личности на XX съезде КПСС начался период «хрущевской оттепели», традиционно связываемый с некоторым ослаблением идеологического контроля над гуманитарной сферой. Новые тенденции в общественной жизни были восприняты интеллигенцией Татарстана как возможность для возрождения и развития татарской национальной культуры.

В первую очередь, необходимо было увеличить публикацию трудов по национальной истории и литературе, в том числе на татарском языке. Большую тревогу в среде интеллигенции вызывал тот факт, что Таткнигоиздат по существу перестал быть национальным издательством и занимался в основном переизданием книг московских издательств и их переводов на татарский язык. Так, из 11 наименований научно-популярных изданий, опубликованных Таткнигоиздатом в 1955 г., большинство представляли собой переиздания ранее выпущенных книг, а также брошюры антирелигиозного содержания: «О реакционной сущности ислама», «Марксистский философский материализм – теоретическое оружие в борьбе с религией», «И. И. Мечников и его борьба против идеализма и религии», «Религия – враг науки и прогресса» [10, д. 327, л. 32, 33]. Писатели Татарстана предпринимали попытки добиться издания в Казани литературного иллюстрированного журнала для молодежи, который издавался в республике в довоенное время [23, д. 473, л. 94].

Работа татарской телестудии, созданной в 1959 г., также вызывала ряд вопросов. Житель поселка Бавлы С. В. Рахимов в письме в Татарский обком КПСС указывал: «Мы, телезрители, не можем утвердительно сказать, что татарская телестудия есть, так как мы не видим никакой ее работы» [20, д. 644, л. 22]. Житель г. Казани Г. Ширгазин в письме в «Советскую Татарию» отмечал: «Мне 22 года. Люблю культуру своего народа. Почему бы не выпускать художественные фильмы на татарском языке?» [Там же, д. 1184, л. 16]. С просьбой о создании газеты «Литература и искусство» обратился к властям рабочий Химэнергостроя Г. Хусниев [24, д. 221, л. 12].

Все эти обращения в газеты и партийные органы говорят о заинтересованности населения Татарстана в сохранении и развитии национальной культуры. С другой стороны, подобные письма указывают на то, что граждане связывали решение проблем именно с партией, доверяли партийному руководству и были готовы к конструктивному диалогу.

Однако не стоит идеализировать степень свободы, полученной интеллигенцией в период оттепели. Партийное руководство сферой культуры не только не ослабло, но в некоторых моментах стало даже более настойчивым. Так, в отчете Главлита ТАССР за 1958 г. подчеркивалось, что «бывают некоторые случаи, когда отдельные работники издательств пытаются протолкнуть явно ущербные произведения» [5, д. 998, л. 230]. В качестве примера был приведен сборник стихов поэта Ш. Маннура «Вечерние мелодии». Читавший этот сборник в порядке предварительного контроля старший цензор И. З. Музафаров нашел в сборнике политико-идеологические дефекты. Основные замечания к произведениям автора сводились к тому, что поэт, всю свою сознательную жизнь проживший при советской власти, весь свой жизненный путь рисовал сплошной черной краской, зачеркивая тем самым все светлое и положительное, что дала советская власть простому человеку [Там же].

В отчете Главлита ТАССР за 1962 г. говорится об изъятии со склада и уничтожении брошюры Р. Г. Рахматуллиной и И. И. Яфаевой «Использование краеведческого материала на уроках экономической географии». Цензорам, пропустившим данную рукопись, были сделаны выговоры. В том же 1962 г. работниками библиотек было списано 155 тыс. экз. книг и брошюр. Среди изъятой литературы были книги участников антипартийной группы Г. М. Маленкова, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича, краткая биография И. В. Сталина, брошюра А. Ходжи «Албанский народ за мир и социализм», «Народная Республика Албания». Из многих библиотек была изъята литература, изданная в 1953-1955 гг. Всесоюзным обществом по пропаганде политических и научных знаний. В основном это были произведения, которые, по мнению цензоров, были пропитаны духом культа личности [6, д. 1131, л. 211, 231].

Ученые-гуманитарии и творческая интеллигенция оказались в сложных условиях. Теперь не только средневековая история, но и научный анализ недавних событий мог стать причиной опалы. Боясь обвинения в пропаганде культа личности, авторы из художественных произведений начали изымать упоминание о деятельности И. В. Сталина. Лекции, прочитанные для широкой аудитории учеными Института языка, литературы и истории Казанского отделения АН СССР в 1962 г., также отражали основные направления идеологической линии партии: «В. И. Ленин – великий вождь трудящихся всего мира», «Борьба КПСС за единство международного движения», «Ислам и его сущность», «Быт и религия», «Мораль коммунистическая и мораль религиозная», «Происхождение татарского народа», «Орнамент казанских татар» и др. [19, д. 6948, л. 21]. Партия, таким образом, не только определяла, как освещать те или иные явления и процессы, но и обозначала «актуальные» направления научных исследований.

При этом от научной и творческой интеллигенции требовалось быть активной, участвовать в различных мероприятиях, организуемых партийно-государственными структурами. Так, в преддверии VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов (1957 г.) в Казани был проведен Республиканский фестиваль молодежи «За мир и дружбу!», а также декада татарской литературы в Москве [Там же, д. 5027, л. 13]. Однако значительная часть интеллигенции Татарстана в подготовительной работе к данным мероприятиям участия не принимала, что неоднократно отмечалось в отчетах комиссий и всевозможных справках [Там же, л. 15]. В докладной записке КГБ при Совете Министров ТАССР, направленной секретарю Татарского обкома КПСС С. П. Игнатьеву в 1960 г., говорится: «Многие татарские писатели слабо занимаются вопросами овладения марксистско-ленинским мировоззрением... мало проявляют участия в общественных мероприятиях. <...> Характерно отметить, что в демонстрации трудящихся 7 ноября 1959 года из Союза писателей участвовало всего 3 человека» [24, д. 21, л. 7].

Таким образом, от интеллигенции требовалось быть активной, но только в рамках существовавшей идеологии.

Несогласие с методами партийного контроля над сферой культуры довольно редко принимало форму открытого осуждения деятельности партии и правительства. Чаще это были акты своего рода пассивного сопротивления. Так, председатель Союза советских композиторов ТАССР, профессор Казанской консерватории Н. Г. Жиганов отказался писать к декаде татарской литературы в Москве песню о партии, сославшись на то, что «имеющиеся стихи его не вдохновляют, а без вдохновения он писать не может» [11, д. 101, л. 28]. На одном из собраний Союза писателей А. Еники выступил с критикой партийного вмешательства в культуру [23, д. 473, л. 18-24].

Подобные выражения недовольства не оставались незамеченными. Впоследствии позиция А. Еники была осуждена на партийном собрании работников культуры, а комитету по делам искусств при Совете Министров РСФСР было рекомендовано освободить Н. Г. Жиганова от одной из занимаемых должностей [3, с. 90].

В целом в 1960-е гг., как и прежде, сфера гуманитарной науки жестко контролировалась, а малейшие отклонения от официальной трактовки событий подвергались критике. Проверке и цензуре подвергались даже студенческие работы. Так, в справке, составленной после изучения тематики исследований в КГУ, говорится: «...значительная часть дипломных работ, выполняемых студентами, относится к исследованиям дореволюционного периода. Работая над этими темами, студенты самостоятельно изучают статьи из дореволюционных периодических изданий и книги того периода, в которых высказываются немало реакционных, националистических взглядов. Чтение такой литературы при еще недостаточной политической подготовке студентов отрицательно влияет на формирование их научно-политических воззрений». В справке приводится список студентов, работавших по дореволюционной проблематике с подробной информацией о прочитанной ими литературе, а также список преподавателей, в суждениях которых проверяющие увидели проявления национализма. Среди «неблагонадежных» оказались имена известных в республике ученых и преподавателей Р. Нафигова, А. Каримуллина, Х. Курбатова [24, д. 21, л. 23, 25, 100, 101, 102].

При этом, как отмечает А. Г. Галлямова, не совсем верной будет упрощенная трактовка взаимоотношений власти и национальной интеллигенции исключительно как угнетателей национального духа и культуры и страждущей, подневольной интеллигенции. Анализируя содержание анонимного группового письма работников искусств секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову и председателю Комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР С. А. Будаеву, А. Галлямова делает вывод о том, что четкие идеологические границы служили не только интересам правящей партии, но и могли стать основой для травли коллег внутри самой творческой интеллигенции, а «факторами сгущения атмосферы, сковывающей творческую деятельность, нередко становились коллеги, мотивы которых вполне возможно скрыть в достижении прагматического успеха» [3, с. 85].

В изученном А. Г. Галлямовой письме его авторы указывают на слабый контроль партийных органов над сферой культуры. Результатом «снижения бдительности» партии стала идеализация феодального прошлого в учебниках по литературе, а в искусстве – любование стариной, воскрешение феодально-религиозной песни, вызывающей у слушателей уныние и упадок духа.

Таким образом, в конце 1940-х – начале 1960-х гг. фактически не произошло никакой демократизации сферы национальной культуры. Напротив, национальная история и искусство подверглись еще большей регламентации и идеологизации. Подчиняя партийному контролю научную и творческую интеллигенцию, создавая новую историческую реальность, искажая национальную память, партия тем самым осуществляла масштабный проект индоктринации населения. Однако данный проект не был в полной мере успешен.

С одной стороны, представители научной и творческой интеллигенции искали альтернативные способы презентации своих взглядов. С другой стороны, отсутствие идеологической свободы порождало в творчески мыслящих людях негативное отношение в том числе и к своему окружению, что выражалось в случаях доноительства на своих коллег.

Список литературы

1. Александров Г. Ф. О некоторых задачах общественных наук в современных условиях // Большевик. 1945. № 14. С. 12-29.
2. Галиуллина Д. М. Обсуждение некоторых аспектов истории татарского народа на кафедре истории СССР КГУ во второй половине 1940-х гг. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2004. № 2. С. 26-28.
3. Галлямова А. Г. «Отмечавшиеся в постановлении ЦК ВКП(б) недостатки... до сих пор не преодолены» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2015. № 1-2. С. 84-93.
4. Галлямова А. Г. Татарская АССР в период постсталинизма (1945-1985 гг.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2015. 455 с.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9425. Оп. 1.
6. ГАРФ. Ф. 9495. Оп. 1.
7. Измайлов И. Не дано марксистской оценки Золотой Орде // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1996. № 3-4. С. 96-101.
8. История Татарской АССР: в 2-х т. Казань: Таткнигоиздат, 1955. Т. 1. 550 с.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1988): в 16-ти т. Изд-е 9-е. М.: Политиздат, 1985. Т. 7. 574 с.
10. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 273. Оп. 4.
11. НАРТ. Ф. Р-7237. Оп. 2.
12. НАРТ. Ф. Р-7240. Оп. 1.
13. НАРТ. Ф. Р-7240. Оп. 2.
14. Пинаева Д. А. Партийное руководство научно-просветительской деятельностью в СССР (на примере Всесоюзного общества «Знание») // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. 3. С. 113-119.
15. Пискарев В., Султанбеков Б. «Этот учебник не выдерживает большевистской критики» [Электронный ресурс]. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/1997_1_2/03/03_2/ (дата обращения: 07.12.2016).
16. Солодовников А. За высокую идейность советского искусства // Большевик. 1944. № 19/20. С. 52-64.
17. Степанян Ц. А. Пятидесятилетие образования СССР и коммунистическое будущее человечества // Братство народов и интернациональное воспитание. Ташкент: Ташк. гос. ун-т им. В. И. Ленина, 1974. С. 10-33.
18. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). Ф. 15. Оп. 5.
19. ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 6.
20. ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 7.
21. ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 29.
22. ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 33.
23. ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 38.
24. ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 41.
25. Шайхова Х. А. Коллективный труд и интернациональное воспитание // Братство народов и интернациональное воспитание. Ташкент: Ташк. гос. ун-т им. В. И. Ленина, 1974. С. 254-258.

**INTERPRETATION OF NATIONAL HISTORY AND CULTURE
AT THE END OF THE 1940S – THE BEGINNING OF THE 1960S:
INTERRELATIONS BETWEEN AUTHORITIES AND INTELLECTUALS
(BY THE MATERIALS OF THE TATAR ASSR)**

Pinaeva Dar'ya Alekseevna, Ph. D. in History
Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev
dashkevna1@mail.ru

The article examines the problem of the party leadership's influence on the activity of the Tatar scientific and creative intelligentsia in the second half of the 1940s – at the beginning of the 1960s. Analyzing published sources and archival materials the author concludes that in the second half of the 1950s – the beginning of the 1960s there was no substantial democratization of the national culture sphere. On the contrary, the party spirit and ideological bias became the basic criteria of a “qualitative” literary or scientific work.

Key words and phrases: national history; national culture; scientific and creative intelligentsia; party leadership; ideology; The Tatar ASSR.